

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *А. Старикова*
Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Земное притяжение : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-097226-5

Их четверо. Летчик из Анадыря; знаменитый искусствовед; шаманка из алтайского села; модная московская художница. У каждого из них своя жизнь, но возникает внештатная ситуация, и эти четверо собираются вместе. Точнее — их собирают для выполнения задания!.. В тамбовской библиотеке умер директор, а вслед за этим происходят странные события — библиотека разгромлена, словно в ней пытались найти все сокровища мира, а за сотрудниками явно кто-то следит. Что именно было спрятано среди книг?.. И отчего так важно это найти?.. Кто эти четверо? Почему они умеют все — управлять любыми видами транспорта, стрелять, делать хирургические операции, разгадывать сложные шифры?.. Летчик, искусствовед, шаманка и художница ответят на все вопросы и пройдут все испытания. У них за плечами — целая общая жизнь, которая вмещает все: любовь, расставания, ссоры с близкими, старые обиды и новые надежды. Они справятся с заданием, распутают клубок, переживут потери и обретут любовь — земного притяжения никто не отменял!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097226-5

© Устинова Т.В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

— Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере ды-ышит спокойствие наших границ!..

На «границах» связка ключей вывалилась из замка и брякнулась под крыльцо. Замок закачался на дужке.

— Что такое!.. — Светлана Ивановна, только что бодро гудевшая себе под нос «Марш авиаторов», подивилась на замок, перегнулась через перила и стала шарить глазами. Вон она, связка-то!.. Ишь ты, далеко ускакала!..

Светлана Ивановна спустилась с крыльца — доски поскрипывали, — подобрала ключи, нацелилась было на замок и тут только сообразила, что он открыт!.. Выходит, директор уже на месте, раньше её прибыл, неслыханное дело!..

...Позвольте, как — на месте? Если замок в петли продет и на одной дужке болтается? Что ж это, директор дверь отпер, сам подался куда-то, а всё библиотечное хозяйство нараспашку оставил? На одну дужку только и прикрыл?

Светлана Ивановна заволновалась, заторопилась, крыльцо под ней заходило ходуном. Она отцепила замок, пристроила его на всегдашнее место — на гвоздик с правой стороны, — распахнула дверь. Изнутри сразу потянуло запахом пыли и старых книг.

— Пётр Сергеевич, вы здесь?.. Или где?

Никто не отозвался.

Библиотекарьша кое-как подпёрла обшитую старым дерматином дверь цветочным горшком с геранью. Дверь осенью подпирала старинным чугунным утюгом, должно быть, в полпуда весом, а вот весной — горшком с геранью.

Неладное началось сразу же. Под ноги Светлане Ивановне как будто текла бумажная река. Библиотекарьша ахнула и прижала к груди гигантскую клеёную сумку.

Река состояла из газет и журналов, и все они были измяты, словно истоптаны, ими был устлан весь пол в коридоре, так что даже ковровой дорожки не видно.

— Батюшки-светы, — пробормотала Светлана Ивановна, и подбородок у неё задрожал, и дыхание сбилось.

В карманчике сумки она нашарила лекарство, выдавила крохотный красный шарик и кинула под язык.

Ступая по бумажной реке, она осторожно заглянула в «абонемент» и зажмурилась от ужаса — здесь всё было вверх дном, все книги вытащены, выворочены, как будто их били и насиловали. Стеллажи, без книг похожие на скелеты, сдвинуты с места, даже цветочные горшки опрокинуты!..

— Батюшки, — повторила Светлана Ивановна и подумала: хорошо бы сейчас упасть в обморок, но падать в обморок она не умела.

Тело человека, лежащего на полу позади стола с выдвинутыми и выпотрошенными ящиками, показалось ей не таким уж страшным.

Оно *должно было* там лежать, и оно *лежало*.

— Пётр Сергеевич, — позвала Светлана Ивановна и наклонилась над телом. — Петя!.. Что с тобой? Зачем ты здесь лёг?

Было совершенно очевидно, что директор библиотеки ничего и никогда не сможет ей ответить, что это даже и не директор, а то, что от него осталось, —

пустая оболочка, не нужная больше и не слишком на директора и похожая!..

Светлана Ивановна сделала неловкое судорожное движение, и из её гигантской сумки на тело посыпались ручки, кошелёк, дурацкое зеркальце с картинкой на крышке, глазные капли, пузырёк тёмного стекла, полоска пластыря, скатанные в нейлоновый узелок запасные носки.

Она кинулась их собирать, а из сумки всё продолжало сыпаться, и когда она горячей потной ладонью случайно коснулась руки Петра Сергеевича, оказалось, что та холодна и тверда.

— Всё, — сказала Светлана Ивановна и ощупью села на стул. — Вот и всё.

...На «Скорой» приехал молодой, бесцеремонный фельдшер, который всё болтал по телефону и на вопросы только махал рукой — вы что, мол, не видите, я занят, — а как глянул на тело, так весь позеленел и выскочил в палисадник, а Петра Сергеевича на носилки погрузили щетинистые похмельные санитары и понесли неловко, неумело.

— Тихо там, урбните его! — закричала на санитаров Светлана Ивановна, а Галя всхлипнула.

— Да ему уж без разницы, мамаша, — отозвался один из похмельных.

Участковый Игорёчек, которого по молодости лет только так и звали, растерянно бродил по бумажному морю и бормотал себе под нос, что сейчас подъедет начальство, а пока не подъедет, трогать в библиотеке ничего нельзя. Под окнами переговаривались и курили сбежавшиеся соседи — библиотека имени Новикова-Прибоя располагалась в «частном секторе», кругом сплошь сады и в глубине садов — деревянные дома под железными крышами.

— И ведь как знал, как знал, — повторяла Светлана Ивановна. Крохотные красные шарики — лекарство больше не помогали, она тяжело, прерывисто дышала, и в груди как будто паровой молот стучал —

бух, бух. — Он ведь мне сколько раз говорил: если я раньше тебя помру, сделай милость, позвони в Москву, сообщи там... Он же сам-то московский!

— Да-а-а, — тянула Галя и всхлипывала.

— Что да, ну что да-то, ведь он молодой совсем мужик! — через силу говорила Светлана Ивановна. — В прошлом году юбилей справляли, пятьдесят лет, разве ж это возраст!.. Я над ним смеялась, бывало: ты, Петь, на моих похоронах простудишься!

— Так он не сам себя, Светланочка Ивановна, его ведь... убили, да? Ведь убили?..

Старая библиотечарша махнула на Галю рукой.

Во дворе зафырчала санитарная машина, зачем-то наддала сиреной, Светлана Ивановна схватилась за сердце.

— Галя, поищи там в сумке телефон-то. Надо звонить, раз покойный приказывал. Господи, это ж не произнести даже, Пётр Сергеевич наш — покойный! А ещё очки и записную книжечку. Поищи там, Галя...

Очки и записная книжка оказались в сумке, а телефон валялся на полу под столом.

Светлана Ивановна нацепила очки, долго, ничего перед собой не различая, листала книжечку — из неё выпадали какие-то бумажки, Галя их все поднимала и складывала себе на колено.

— Ну вот. Петиней рукой записано. Известить Раису Васильевну Горбухину. И телефон, московский, должно быть. Четыреста девяносто пять впереди — это же Москва?

Галя пожала плечами.

Светлана Ивановна так же долго набирала номер, а когда в трубке длинно загудело, изо всех сил выпрямилась и закаменела.

— Раиса Васильевна Горбухина? Это вам из Тамбова звонят. У нас беда случилась. Пётр Сергеевич велел в случае несчастья вам первым делом сообщить, вот я и сообщаю...

Генерал положил трубку, посидел неподвижно, а потом, не зная куда девать руки, пристроил их на затылок.

Известие было до крайности неожиданное и... неприятное. Произошло нечто, чего произойти никак не могло, по опыту он знал, что так не бывает.

— Не бывает, — громко сказал генерал и в кабинетной тишине не узнал собственного голоса, — так не бывает, но так есть.

Он совершенно точно знал, что нужно делать, но всю жизнь был уверен, что делать этого не придётся никогда. Генерал не боялся — он вообще в жизни почти ничего не боялся, — но для того, чтобы приняться за дело, следовало собраться с духом, а у него пока не получалось.

...Что там могло произойти? Что пошло не так?..

Глупо и непрофессионально было спрашивать себя — он не знал никаких подробностей, ничего не видел своими глазами и понимал, что не увидит, — но всё же спрашивал.

...В чём он мог ошибиться? Чего не учёл? Что расчитал неправильно?..

Оттолкнувшись, он мягко покатился в кресле, упёрся руками в подоконник и посмотрел на улицу. Небо нависло над Москвой, навалилось снеговой чернобрюхой тучей, и от её тяжести трудно было дышать.

— Я не знал, что так получится, Петь, — сказал генерал и опять не узнал собственного голоса. — Да что я, не обо мне речь! Ты-то куда смотрел?! Что ты мог пропустить?!

Тут он понял, что немедленно должен выпить, мельком глянул на часы — оказалось, что времени всего ничего, одиннадцать утра, — прошагал к буфету, набулькал в тяжёлый стакан виски, много, почти половину, и выпил в два длинных глотка.

Больше сделать ничего было нельзя.

Он вернулся к столу, снял трубку, помедлил и нажал кнопку.

— Собирайте группу, — приказал он. — Код оранжевый.

Там, похоже, не расслышали, потому что ему пришлось повторить:

— Оранжевый!

Ну, вот и всё. Теперь от него ничего не зависит.

Твёрдой рукой он закрыл дверцу буфета, сунул пустой стакан на столик — потом уберут, унесут, — походил по кабинету, уселся в кресло и принялся смотреть на Москву. Ветер ломился в окна, в разные стороны гнал по стёклам неровные дрожащие ручьи. Под дождём город казался съживившимся, спрятавшимся под железные мокрые крыши.

— Всё выше, и выше, и выше, — пробормотал генерал себе под нос, — стремим мы полёт наших птиц...

С утра Хабаров внаглую поругался в диспетчерской с самим Нечитайло, да так, что волоокая Томка, сидевшая и за секретаря, и за помощницу, и за подавальщицу, хотя числилась сотрудницей погранслужбы, выскочила из своей каморки на улицу в одном кителе.

— Шинель накинь! — закричал на неё дежурный офицер. — Холод собачий и ветер штормовой! Куда несёшься?!

— Туда. — Проламываясь через турникет, Томка показала подбородком на улицу. — Я тоже человек! Я ихнюю цветомузыку больше слушать не желаю!

Дежурный проводил её глазами.

На улице ветер ударил так, что девушка покачнулась, схватилась обеими руками за поручень. Длинные чёрные волосы, которыми гордился и любовался весь ГВФ и военные заодно, сами собой поднялись и встали дыбом. Китель, застёгнутый на одну пуговку, распахнулся, затрепыхался, надулся, его почти сорвало.

— От шальная баба!

Дежурный выбрался из-за стола, с усилием распахнул дверь и, почти падая на ветер, втащил Томку в стеклянные сени.

Она захлёбывалась и таращила дикие глаза.

— Ты первый день в Анадыре, что ли, я не пойму?! Сказано — ветер! Нет, понеслась! Мата больше слышать она не может! Стой тут, раз ты такая нежная, тут его не слышать, мата!..

— Вот у меня где этот ваш мат! — Томка, тяжело дыша, попилила рукой по горлу. Другой она яростно заправляла за пояс вырванную ветром блузку. — В ушах вязнет, и день, и ночь одно и то же, как будто по-людски разговаривать нельзя!

— А сама-то чё? — осведомился дежурный, возвращаясь за стол. — Не материшься, голубица?

В кабинете Нечитайло уже доругивались, голоса звучали потише, поспокойнее, понятно было, что спорщики устали и ни до чего не договорились.

Хабаров напоследок послал Нечитайло с его горючкой и мелкой бюрократической душонкой подалее, вывалился в коридор, саданул дверью и закурил.

— У нас тут не курят, — сказал дежурный и захохотал, — постановление правительства и Государственной Думы.

Хабаров Думу и правительство тоже послал, но не так размашисто и цветисто, как Нечитайло. Докурил, загасил окурок о подошву и швырнул в угол.

— Если кому понадобится, я в бильярдной! — рявкнул он. — Хоть шары погоняю, чем с такими... с вами... разговаривать!..

— А чего такое-то?

— А ничего, твою мать! Мне в Эгвекинот идти, а у него по горючке лимиты!..

— Куда идти, ветер тридцать метров в секунду и поперёк полосы!

— Да пропадите вы все пропадом! — опять во всю силу заревел Хабаров. — У этого лимиты, у того ветер! Метеослужба прогноз дала — к вечеру уляжется! А там больных трое! И ребёнок!.. Он чего тебе, ждать должен, когда эта гнида мне горючку подпишет?!

— Лёша, — тихонько сказала нарисовавшаяся возле стола Тома, — хочешь, я тебе чайку заварю? У меня плиточный есть, тундровый, ты же любишь...

Мужики на неё оглянулись. Она уже была вся прибранная, аккуратная, глаза держала долу, пальчики крутили железную пуговку на кителе — диво дивное!..

— Да не надо мне ничего! Мне работать надо, вы это понимаете?!

— Лёш, сало есть, настоящее, домашнее. Бабушка прислала. У них в Калаче дом свой, и куры, и кабанчик... Бутербродов могу наделать.

— Мне сделай! — вскинулся дежурный, и лицо у него стало умильным. — Я знаешь как сало люблю?!

Хабаров махнул на них рукой и широким шагом двинул по коридору.

Дверь в кабинет Нечитайло приоткрылась, из неё вылетел реглан и приземлился на стулья, стоявшие вдоль коридорной стены. Тома подбежала, подхватила реглан и бросилась за Хабаровым.

— Бутербродик сделаю, да, Лёш? И чайку? Пожалуйста, ты ж любишь сладко чтоб!..

Хабаров принял у неё реглан, продел руки в рукава и вдруг усмехнулся:

— Калач — это чего такое?

— Так город такой, Лёша!.. — затараторила Тома. — Калач-на-Дону, я сама с Волгограда, а бабуля с дедулей у нас в Калаче живут, и дом у них там, и сад, и чего только нет...

— Надо же, — себе под нос сказал лётчик Хабаров, — не знал я такого города!

Тома проводила его глазами. Они были ласковые, правдивые, говорящие так откровенно, что дежурный крикнул и отвернулся.

Она дошла до двери в кабинет, оглянулась, но никакого Хабарова уже не было. Она обласкала взглядом его невидимый след, вздохнула и вошла. Оттуда сразу же донеслось недовольное бухтенье Нечитайло, впрочем, вскоре стихшее.

Дежурный покрутил головой и ещё раз крякнул огорчённо — все вот как есть до одной бабы сохнут по летунам, что в них такого?! Разве что регланы, но в управлении все в регланах, не только летуны! За что же им-то бабья любовь достаётся?!

Ветер улётся так же внезапно, как и налетел, словно и не было его — как всегда, в Анадыре. Хабаров, изнемогший от стуканья бильярдных шаров, смачных анекдотов — ни одного нового, все наизусть давно выучены, — махорочного дыма и плиточного чая, похожего на микстуру, ушёл на полосу.

«Аннушка» на привычном месте показалась ему неожиданно весёлой, а Хабаров думал увидеть её грустненькой — ведь на них обоих с утра пораньше наорал потный Нечитайло!.. Солнце играло на плоскостях, а когда Хабаров вышел из плотной тени диспетчерской, отразилось от стекол кабины и брызнуло в глаза так, что пришлось махом нацепить на нос тёмные очки.

Движок зачехлён, растяжки укреплены, чтоб ветрами самолётик не сдуло в Анадырский лиман, и эти растяжки как будто подтверждали — никуда вы сегодня не полетите, так и будете на приколе торчать!..

Внизу что-то мелькнуло, руку в перчатке как подбросило — Хабаров знал, что это означает. Это означает, что беспородный аэродромный пёс Марат прибежал поздороваться.

— Здорово-здорово, — сказал Хабаров и почесал Марата за ухом.

Марат неистово крутил хвостом, словно пропеллером, и снова и снова подбрасывал руку Хабарова — соскучился.

— Всё выше, и выше, и выше, — напевал Хабаров и в такт гладил пса по голове, — стремим мы полёт наших птиц, и в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ!..

От ангара подошёл техник в синей тёплой куртке и ватных штанах. Поговорили о Нечитайло и проклятых лимитах, о прогнозе на завтра, о том, что в Доме

офицеров вечером новое кино, а после танцы. Это самое новое кино Хабаров видел на Большой земле прошлым летом, но не стал огорчать техника.

— Чего ты маешься, Алексей Ильич? Штатно на Эгвекинот в пятницу пойдёшь, авось и погода, и керосин будут...

— Авось, — согласился Хабаров.

Странное чувство, будто что-то должно вот-вот произойти и ему не придётся в пятницу «штатно» идти на Эгвекинот, вдруг совершенно определённо сформировалось в голове, и Хабаров даже по сторонам оглянулся, проверяя.

Вокруг всё было привычное, давно изученное, ничего нового.

— А я в пятницу с утра движок погоняю, — продолжал техник, — застоялась машинка наша!..

Аэродромный пёс Марат притащил из ангара древний футбольный мяч со спущенной камерой и вмятиной на боку, положил Хабарову под ноги. Тот прицелился как следует, поддал, мяч закрутился, полетел. Марат пританцовывал от нетерпения, а потом бросился ловить.

Лётчик и техник проводили его глазами, а потом техник рассказал анекдот — не просто с бородой, а прямо с сивой бородищей! — и тут уж Хабаров сказал, что знает этот анекдот ещё со времён Качинского лётного училища, и уже тогда он был старый как мир.

Техник, буркнув: «Ну и пожалуйста», — ушёл, а Хабаров ещё несколько раз кинул Марату мяч.

...Что-то должно случиться. Сегодня. Прямо сейчас.

— Марат, давай, тащи мяч! Ну?! Где ты его бросил?

Ухо уловило отдалённый рокот, нараставший стремительно, из-за сопки вынырнул самолёт — он шёл на малой высоте, заходил от дальнего привода, как будто собирался садиться.

Хабаров спущенным мячом загоразивался от солнца, пытался рассмотреть опознавательные знаки.

Рокот двигателей накрыл его, Марат залаял — неслышно из-за грохота, — и на бетон метрах в ста от Хабарова упал какой-то предмет.

Самолёт сделал круг над аэродромом, стал набирать высоту и пошёл в сторону сопки.

От ангара бежали техники.

Хабаров некоторое время смотрел вслед самолёту, а потом тоже побежал и подобрал предмет. Это был небольшой брезентовый свёрток, упакованный по всем правилам.

— Мужики, кто засёк, чей борт? Откуда он вывалился-то?! Не, вы видали?! Его ж не было, а с утра по штормовому ни одного борта не выпустили! С той стороны он пришёл! Да из-за сопки шёл, я его на подлёте рисовал!

Техники говорили все разом, и Марат время от времени взлаивал.

— Лёша, чего он сбросил-то? Ты видел?

Хабаров сунул пакет в карман и там, в кармане, придерживал его рукой.

— Видел, — сказал он себе под нос.

...Вот тебе и штатный рейс на Эгвекинот в пятницу!

— Я на вышку, — заявил Хабаров и махнул рукой в сторону КДП. — Бывайте, мужики!..

— Да ладно тебе, Лёха, чего там, в пакете?! Золотой запас? Куда ты понёсся-то?!

Стремительно удалявшийся Хабаров оглянулся и махнул рукой. Пёс Марат подумал и кинулся за ним.

— Какая-то удивительная для апреля погода, правда? — спросила дама, сидевшая так, чтобы видеть море.

Она сидела уже давно, не читая и не разговаривая по телефону, только смотрела и время от времени маленькими глотками отпивала кофе.

Макс покосился на неё. Он не любил, когда посторонние с ним заговаривали.